

A man and a woman are featured in a nighttime city setting. The man, on the left, is muscular, has short brown hair, and is wearing a black tank top. He is looking directly at the camera with his arms raised behind his head. The woman, on the right, has long, wavy blonde hair and is wearing a white strapless dress. She is looking back over her shoulder at the camera. The background shows a city street at night with buildings and streetlights.

СОБЛАЗН

ЯНКА ПАМ

Янка Рам

Соблазн

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67419239*

Аннотация

Стеф Державин – молодой и перспективный врач со скандальной репутацией, несносным характером и "волшебными" пальцами. Временно решает поработать массажистом в частной клинике. И в первый же рабочий день ему поступает странное предложение от солидного мужчины – сделать его жене массаж... «с окончанием»... Девушка не в курсе деталей заказа. Это противоречит принципам Стефа, но обстоятельства складываются так, что он соглашается...

Содержит нецензурную брань

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	11
Глава 3	21
Глава 4	27
Глава 5	35
Глава 6	40
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Янка Рам

Соблазн

Глава 1

В отпуск по личным обстоятельствам

– Державин! – рявкает грозным голосом Альбина Валерьевна, заведующая отделением детской травматологии.

Не спеша разворачиваюсь.

Её тёмные волосы собраны наверх, оголяя изящную шею, переходящую в манящее декольте.

– Степан Дмитриевич, – недовольно поправляю я, – если вдруг запамятовали.

– Зайди немедленно.

– Соскучилась? – снижаю голос.

– Прекрати, Стеф! – шикает она. – Ты достал! Жалоба опять на тебя.

Устало закрываю глаза.

– И что?

– Зайди.

– У меня обход. Последний пациент. После – всенепременно!

– Жду.

Агрессивно цокая стальными шпильками, обгоняет. Красивые бёдра, обтянутые белым халатом, ритмично двигаются. Провожая взглядом...

Захожу в палату. Долговязый парнишка лет тринадцати. Новенький.

– Привет.

Заглядываю в карту.

– Ты Данила, так?

– Павлов... – добавляет несмело.

– А я – Стеф Дмитриевич. Выхих с отёком. Мхм... Показывай. Что ж тебе в травмпункте не вправили?

– Мамка не дала. Говорит, криворукие там. Сюда привезла.

Ощупываю под его болезненное шипение плечевой сустав. Смотрю на рентгеновский снимок.

– А зря не дала. Отёк теперь, болит, наверное, адски...

– Угу... – шмыгает носом.

– Здравствуйте... – подозрительно за спиной.

Оборачиваюсь. Заходит женщина средних лет. Недовольно смотрит на меня. Видимо, «мамка».

– Вы кто?

– Дежурный врач.

– Нам дежурный не нужен. Тем более такой молодой и неопытный. Нам нужен специалист! Данила профессионально занимается баскетболом...

Пока она гордо вещает мне про достижения сына и его гиперценность, пересаживаю пацана на стул, бросаю на спинку полотенце и аккуратно перекладываю его руку через эту конструкцию.

– Спину выпрями, – помогаю принять правильную позу.

– Поэтому я к нему только лучшего травматолога подпущу! – финалит она свою речь. – А что это Вы делаете?

Присев, дёргаю за предплечье вниз. Хруст, вопль пацана...

Делов-то!

– Всё-всё... – успокаивающе хлопаю по здоровому плечу шокированного мальчишки. – Всё на месте. Мужик! Молодец... Даже не плакал! – купирую я его попытку зареветь. – Через пару недель будешь снова трёхочковые закидывать. И отёкйдёт, и боль. Вот так прижми...

– Вы что?.. – идёт пятнами мать. – Да кто Вам позволил?..

– А в травмпункте у нас не криворукий травматолог, а вполне квалифицированный, – назидательно внушаю ей. – И вообще, сначала здоровьем сына займитесь, а потом его карьерой. У него же сколиоз...

– Что Вы себе позволяете? – задохнувшись от возмущения, переходит она на шёпот. – Вы ж ему руку сломали!

– Медсестру сейчас к тебе отправлю, – бросаю я мальчишке.

– Спасибо, – бормочет он, стесняясь стенаний матери.

– Да я на Вас жалобу напишу! – несётся вслед. – Тоже мне

«платное» отделение!

– Платная у вас палата, а отделение самое обычное.

– Понабрали мясников!

Игнорирую, закатив глаза.

Иду к Альбине. Вхожу без стука, запираю за собой дверь, падаю на её роскошное кожаное кресло. Отталкиваясь кроссовками от пола, делаю оборот вокруг оси. И торможу, останавливаясь лицом к окну. Она оборачивается, потушив сигарету. Молча сверлим друг друга взглядами.

– Жалоба, – напоминаю я.

– Стеф!! Ты нахера дочери зама мэра сказал, что она толстая? Ей четырнадцать!

– Я сказал – двадцать лишних килограммов, которые деформировали скелет, расплющили ей стопу. И их срочно нужно скинуть. Что не так?

– Ты ей сказал, что такие мальчики, как ты, любят стройных!

Ах ты, мстительная маленькая стукачка! Рассказала... А я ведь и правда хотел помочь.

– Это была... мотивация, – ухмыляюсь я. – Я ей понравился!

– А если она покончит собой?? У неё теперь депрессия!

– Если ты заглянешь в азы психотерапии ожирения, Альбина, то там умные мужики написали, что пищевые наркоманы к самоубийству не прибегают. Однако юношеская влюблённость может... изменить пищевое поведение. Особенно

при стресс-факторах... А с депрессией она уже поступила к нам...

– Ты идиот, скажи мне?

– Аля, родоки откормили её, как свинью, и не готовы ничего слышать. Они её угробят. И она уже достаточно взрослая, чтобы включиться в ситуацию.

– Нет, ты точно идиот! Не надо никого спасать! Просто делай свою работу, и всё. Травматолог! Здесь и сейчас! А там – хоть передохнут пусть все!

«Не-е-т, это уже не жалоба, – оцениваю я её состояние. – Это что-то личное».

– Травматолог-ортопед, – поднимаю я палец вверх, уточняя. – Сегодня, кстати, будет ещё одна жалоба.

– На что? – закрывает она устало глаза.

– В этот раз именно на то, что молча сделал свою работу.

– Как же ты достал...

– Уволь! – развожу руками. – Если я херовый травматолог – уволь.

– Ты – лучший, – меняется её интонация на виноватую. – Но...

А вот и личное.

– Ну давай теперь про нас, – киваю я поощрительно.

Открывает шкафчик, достаёт две рюмки и бутылку с остатками коньяка, разливает.

– Не чокаясь? – уточняю я, ловя её настрой.

– Стеф, мне тридцать восемь.

– Я помню.

– А тебе двадцать шесть, – срывается её голос.

Выпиваю залпом коньяк и со стуком ставлю рюмку на стол. Началось...

– А ещё ты мой начальник, и у нас служебный роман, – подсказываю ей.

– Кошмар...

– Ночью ты другие эпитеты подбирала.

– Трахаешься ты как Бог! Но...

– Да говори уже!

– Пойми меня, пожалуйста, Державин...

– Ну?

– Я не могу сделать публичным факт нашей связи. Не могу!

– Почему? Все и так в курсе.

– Это сплетни!

– И чем же я не вышел? – сжимаю челюсти.

– Слишком большая разница в возрасте! Это просто... Да меня по костям разберут и за спиной будут пальцами тыкать! Ты что, не понимаешь, что при моей должности...

– Ну и не делай его публичным, – пожимаю плечами, – пусть сплетничают дальше.

– Нет. Дальше так продолжаться не может... Стеф, я знаю, ты умный мужчина, ты меня поймёшь.

Её пальцы и губы дрожат.

– Мне Тихорецкий предложение сделал. Если я соглашусь... Через пару лет у нас с ним будет своя частная клиника. Лучшая в городе... В крае!

– Чего?.. – обтекаю я.

Сердце колотится в груди, и шея немеет.

– Это не повлияет на наши отношения! Это просто...

– Стоп.

Поверить не могу...

– Стёпочка... Я очень тебя люблю. Но пойми меня...

– Я понимаю... – слепо смотрю на рюмку.

– И... я не могу тебе дать место моего зама теперь, понимаешь? До него дошли сплетни. Я буду выглядеть бледно...

– М, – киваю я. – А почему? Я же выполняю все его функции по факту.

– И выполняй! Я тебе буду каждый месяц премию выпи-
сывать.

А шли бы вы нахуй вместе с Тихорецким!

Встаю.

– Всех благ.

– Ты куда?..

– В отпуск. Без содержания. Заявление принесу завтра.

Глава 2

Предложение, от которого нельзя отказаться

В моём новом кабинете много светильников и мало света. Всё оформлено в восточном, но современном стиле. «Лакшери». Веду рукой по массажной кушетке. Белоснежная настоящая кожа...

На стене несколько моих дипломов, оформленных в дорожные рамки, и в центре чёрная с золотом табличка: «Женская клиника мануальной терапии».

– И запомни, Стеф, наши пациенты ходят на массаж не за здоровьем, а за релаксом. Поэтому используй свои знаменитые пальцы правильно. Никакой, даже обоснованной боли, только приятные ощущения.

– А я думал, за релаксом ходят в салоны.

– Мы и есть салон, но с гарантией профессиональности специалистов. Клиент должен выходить тактильно удовлетворённым. С приятным послевкусием и желанием вернуться. Я очень рад, что ты наконец-то созрел на моё предложение.

Низенький, полноватый, но деловой Сеницын протягивает мне руку. Я пожимаю. Мы вместе учились. Это клиника его отца.

– Деньги ты получаешь на карту в конце каждой недели.

– А порядок суммы?

– Твой коллега получает... – набирает мне на телефоне впечатляющее число, – столько. Думаю, у тебя клиентов будет больше.

– Почему больше?... – вздёргиваю я бровь.

Синицын, ухмыляясь, рассматривает меня в зеркало, висящее на стене. Рубашка слишком обтягивает грудные мышцы и бицухи, замечаю я, надо сменить на размер побольше. А то как стриптизёр!

– Почему... Ты же у нас непревзойдённый спец, Державин! – с ноткой сарказма. – А если догадаешься оголить свои рельефные руки, так вообще отбоя не будет.

– Э-э-э... Синицын! – возмущённо ловлю его взгляд в зеркале. – Я не оказываю интимных услуг.

– И это правильно. Затрахают до смерти! Стоит только раз согласиться. Как эстафетную палочку передавать начнут. Пусть просто облизываются и представляют, насколько ты хорош. А коллега твой, по слухам, не брезгует и услугами интимного плана для некоторых респектабельных дам. Но если вдруг тебе захочется пойти по его стопам – не в рамках клиники. Наша репутация не должна скатиться к салону интимных услуг.

Оттягиваю ворот рубахи, ослабляя галстук.

Мда...

Но! Чем плоха эта работа? Временно – вполне себе. Мас-

саж – часть моей специализации. Хорошо освоенная мной часть.

– Удачи. Надеюсь, сработаемся.

В меде мы с ним неплохо ладили. Звёзд он с неба не хватал, но был упёртым, и смог доучиться до конца. А я – хватал. Но карьера моя теперь на паузе. Как и личная жизнь.

Синицын уходит, оставляя меня одного. Изучаю свой кабинет, проводя инспекцию и записывая в блокнот всё, чего мне здесь не хватает для нормальной работы.

– Степан Дмитриевич, – заглядывает медсестра с ресепшена. – Можно?

– Конечно.

Молоденькая брюнетка, взгляд цепкий, игривый.

– Я – Зоя.

Киваю.

– До обеда, – заглядывает она в блокнот, – массаж шейно-плечевого отдела... общий массаж тела...

Она перечисляет, стреляя в меня заигрывающими взглядами.

– Давай так. Ко мне ты отправляешь тех, кто посложнее, а к... Как его?

– Гарин?

– Да, Гарин.

Не понравился мне мой коллега. Пока курили, скормил кучу утомительной и несъедобной пошлятины про свои подвиги.

– Вот к Гарину всех, кто на релакс, а ко мне всех, кому поправить здоровье. По возможности.

– Я поняла, – улыбается она. – Там мама с девочкой тринадцатилетней записались. Сотрясение у неё.

– Вот! Отлично. Этих ко мне.

– И беременная с растяжением...

– И её ко мне.

– А ещё мужчина... Что-то там особенное у его жены, хочет лично поговорить со специалистом. Именно с Вами.

– Тогда – тоже ко мне.

– А кофе хотите?

– Кофе, прекрасная Зоя, делает твои кости хрупкими и организует тебе дегенерацию каркаса подкожно-жировой клетчатки. В народе – целлюлит. Поэтому не пей, Зоя, кофе и никому не предлагай.

– А что предлагать?

– Чай, лучше – зелёный. Без сахара.

– Может, Вы ещё и не курите?

– От перфекционизма Бог миловал. Курю. Врачам положено саморазрушаться. Для вселенской гармонии.

– Хорошо...

– Чего ж хорошего?

– Потому что я – тоже курю.

Хорошенькая...

Морщась, трёт шею, пытаясь размять её сзади пальцами. Ай... какой прозрачный ход, Зоя! Ты б ещё экстренно но-

гу подвернула...

Мне хочется закатить глаза, но я сдерживаюсь, исследуя, как далеко она зайдёт.

– Кресло неудобное... – закусывает губу. – Поправите шейку, Степан Дмитриевич?

«Шейку матки?» – практически саркастически вылетает у меня. Но я опять сдерживаюсь.

– Можно просто Стеф.

– Стеф...

Подхожу к ней в упор и, глядя в глаза, сжимаю шею, вдавливая средние пальцы в подчерепную впадину, а большие под челюсть. Тяну вверх под её тихий писк, делая несколько едва ощутимых вращательных движений.

– Расслабься...

– Ооо... – выдыхает Зоя.

Спускаюсь на трапецию, вдавливаясь в нервные окончания пальцами, в несколько плавных движений разминаю застывшие мышцы.

– Так лучше? – поднимаю бровь.

С энтузиазмом кивает.

– Руки у Вас... волшебные, – с восхищением.

Знаю...

Но что-то не готов я больше к служебным романам. Ну его нахуй. Сердце, конечно, не разорвало, но по самолюбию ёбнуло! Поэтому игнорирую её восторженный взгляд, ухожу к раковине и долго мою с антисептиком руки, пока она не

уходит.

Поработав с девочкой, что с сотрясением, выписываю им рецепт:

– Глицин, валериана и покой.

– А нам участковый мексидол прописал.

– Ну что Вы, какой мексидол? Сотрясение лёгкое, внутренней гематомы нет. Придётся ещё пару раз на правку. Не нужно ей таких тяжёлых препаратов.

– Спасибо Вам большое.

– Пожалуйста! Будьте здоровы.

Ближе к обеду Зоя приглашает следующего клиента.

Мужчина... Лет тридцати пяти. В идеально сидящей тройке. Солидный, лощёный. Линия его щетины на щеках практически фигурная. Не иначе – ко мне сразу из барбершопа.

«Хорошая осанка», – отмечаю я намётанным взглядом.

Критично осматривает помещение, не спеша здороваться. Переводит на меня требовательный давящий взгляд. Рефлексы мои взбрыкивают, требуя осадить его, но я подавляю этот всплеск.

– Вы – массажист?

– И массажист тоже, – киваю я.

Оценивающе разглядывает.

– Профессиональный? Или...

Киваю на стену с дипломами. Подходит, читает...

– Вы мне подходите.

Не уверен, что смогу ответить взаимностью. Мне неприятна его надменность. Но «клиент» же! В крайнем случае, отправлю его к коллеге в соседний кабинет.

– Я хочу заказать массаж для жены.

– Просто массаж?

– Не просто. Вы сделаете ей массаж с... «окончанием».

Не сразу врубаюсь. Он пристально вглядывается в моё лицо.

С окончанием – это... как шлюхи-массажистки? Которые дробят тебе после массажа?

Пф!

Не сдержавшись, брезгливо морщусь.

– Я не оказываю интимных услуг!

– А Вы сделайте исключение.

– Почему именно я? – непонимающе смотрю на него. – Вызовите эскорт!

– Мне Вас рекомендовали, как лучшего специалиста... по женскому телу. К тому же моя жена – чистая девочка, и никогда не позволит прикоснуться к себе каким-то... жиголо.

– А мне позволит? – фыркаю я.

– Ну Вы же специалист... Расслабьте...

На стол ложится приличная пачка бабла и фото девушки. Зависаю на фотке... Вау. Какая красивая!

Я даже забываю на пару мгновений, что ему от меня нуж-

но. Девушка на фото захватывает все мое внимание. Большие выразительные омуты ее глаз смотрят не на фотографа, а в сторону. Открытые плечи, изящные ключицы, маняще выпирающая из разреза платья грудь... Светлые густые волосы до самого пояса роскошной волной обрамляют лицо. И губы трепетно приоткрыты, словно требуют...

Улетаю в фантазию, как прохожусь языком по этим приоткрытым губам, вдавливаясь им в её тёплый рот. И меня прёт от предвкушения головокружащей нежности! Волна крови неожиданно резко приливает в пах. Вздрагиваю. Встряхнувшись, беру фотографию в руки, поднимая на него взгляд с неммым вопросом.

Нахера такой потрясной девочке массаж с окончанием? Ты чего, блять, не можешь сам трахнуть свою жену как следует?

– Вы должны её расслабить и сделать всё, чтобы она... не отказалась от удовольствия. Но... только пальцы. Никаких других прикосновений, обмена жидкостями и прочего. Просто массаж. Интимный.

– Так она... не в курсе деталей услуги?

– Нет.

Интересное кино!

– Вы извините, но я – пас. Я врач, а не...

Кручу в руках её фотку.

– Нет, – повторяю категорически.

Кладу фотку на стол поверх денег.

– Жаль, – тут же теряет он ко мне интерес. – Мне сказали, что у Вас тут два массажиста. Где кабинет второго?

Мой глаз начинает дёргаться от мысли, что он подложит эту девочку под скабрезника Гарина.

– Второй работает с обеда.

Смотрит на свой ролекс.

– Я подожду.

Сгребаёт со стола пачку денег и фотку и не замечает, как она выскальзывает и летит на пол. Падает картинкой вниз. Меня передергивает от ощущения, что девушка испачкана. Но я не говорю ему о том, что фотка упала. Потому что мне хочется взглянуть на неё ещё разок.

Мужчина разворачивается на выход. А у меня перед глазами до сих пор его жена. И фантазия начинает развиваться не в ту сторону. В этот чистый розовый ротик почему-то теперь втрамбовывается грязный язык Гарина. Ой, фу! Мерзость какая... Совсем ёбнулись мужики! Жён своих раздают.

Клиентка «не в курсе деталей услуги». Что делать-то?!

– Подождите! – торможу его. – А... если она не позволит? Категорически!

– Не позволит – так не позволит. Ваша задача – попробовать это сделать.

– Окей, я согласен. Я попробую.

Деньги возвращаются на мой стол.

– Завтра.

Он выходит, я поднимаю фотку и падаю в кресло. Не от-

водя глаз от ее лица, отталкиваюсь кроссовками от пола, пуская кресло по кругу. И еще раз... И еще раз...

Я просто сделаю ей массаж. И всё. Хороший массаж всего тела. А потом она мне «не позволит».

Договорившись с совестью, прячу фотку в карман.

Глава 3

Мудрая мысль

На плазме курс пилатеса.

Повторяя за инструктором, тяну связки паха, преодолевая болезненные ощущения.

Борис против того, чтобы я ходила в общую группу в спортивном центре. У него бзик на моей «культурной изоляции». Он очень серьёзно относится к нашему кругу общения. И боится, что слишком обывательские пошлые подружки могут испортить меня.

Это утомляет, но не слишком принципиально для меня, и я не спорю.

С ним вообще сложно спорить. Его невозможно переспорить. Как только у него заканчиваются доводы и аргументы, он прерывает разговор, уходя в свой долбанутый телефон. И никогда не возвращается к теме, ставя точку по умолчанию.

И я уже сама, как ребёнок, которому слишком многое запрещают, начала делать многие вещи тайком. Если он узнает, разнесёт меня за инфантилизм и «глупые протесты»! Но я очень надеюсь, что мои «косяки» не столь принципиальны, чтобы это вылилось во что-то более серьёзное, чем выговор и стандартная неделя игнора. Он всё равно почти всё время меня игнорирует, отдавая предпочтение телефону. Главное,

чтобы не прилетело Илюшке. Тот ещё не выработал иммунитет к игнору отца.

Вообще-то, Борис – хороший отец. Внимательный, требовательный... «И любящий!» – хотелось бы добавить мне. Но что такое любовь мужчины, я так до сих пор и не разобралась. Мой отец был всегда занят для меня, Борис тоже всегда занят... Но оба они утверждают, что очень меня любят. А других мужчин в моей жизни не было. Видимо, их любовь выражается в заботе о семье. Каждый же выражает её по-своему, так?

Я – «слишком примитивно». Борис – «зрело». «Любовь – это решение двух зрелых людей посвятить себя друг другу». И я посвящаю, как могу. И он посвящает, как может – он заботится о том, чтобы наша семья «повышала свой уровень».

Иногда, когда я смотрю в зеркало, мне хочется побиться своей красивой ухоженной головой о стену.

Ну а в целом всё прекрасно. У нас показательно успешная семья, высокопоставленные друзья и прекрасный сын. Наш доход растёт. «Время – деньги». Но, видимо, лично я стою не так уж и много. Потому что времени на меня нет... А рост дохода никак, совершенно никак не отражается на «уровне моей удовлетворённости». Но это всё, конечно, потому что я «глупая девочка» и не смотрю в будущее.

Но как же быть с настоящим?

Падаю на спину, разглядывая себя в зеркальный потолок. Для чего я так убиваюсь над фигурой, если секс у нас всегда

в темноте и наскоро, чтобы Борис мог расслабиться и работать спокойно дальше? Аа... ну да. Идеальная форма жены – лицо и показатель респектабельности мужа.

Швыряю полотенце, лежащее в изголовье, в стену.

Я, честно сказать, хреновая жена. Мне кажется, я начинаю презирать своего горячо любимого когда-то мужа. Во время его убедительных монологов в моей голове всё чаще высвечивается неоновыми буквами это ужасно позорное слово «развод». Но в наших семьях не разводятся. Ничто изнутри не должно затронуть репутацию семьи. Бунтарка из меня посредственная. Никогда я не решусь на развод.

Пытаюсь вспомнить, было ли у нас когда-нибудь по-другому? Было. Когда я, восемнадцатилетняя дурочка, боялась и слово сказать против, заглядывая ему в рот.

Такое себе «другое».

Слышу смех сына в соседней комнате. А это значит, происходит нечто, что наверняка расстроит отца. Весёлый смех – это первый признак.

– Катюш? – кричу я. – Вы точно учите французский?

– Точно!

Прошлая гувернантка была уволена месяц назад. За несоответствие «нашему уровню». К Екатерине он тоже отнёсся отрицательно. Но это была одна из моих редчайших побед.

Мой будильник на фитнес-браслете пиликает восемь часов.

Борис очень пунктуален. Быстро убираю в гостиной за со-

бой, забегаю на пять минут в душ и иду в детскую. Илья, валяясь на коврике вместе с Катей, смотрит французские мультики.

– Кать! Да ты что?.. Убери телефон немедленно. У вас же урок французского. Если Борис увидит телефон... Никаких гаджетов!! Ты же знаешь!

– Виктория Алексеевна, ему шесть, учить язык по мультикам – это самое то!

– Мамочка... – складывает Илюшка умоляюще свои маленькие пальчики. – Пожалуйста! Я не скажу папе.

В окно вижу, как во двор заезжает гелик мужа.

– Быстренько!! За стол! – командую я нервно.

Илюшка сдружился с Катей, и я очень боюсь, что Борис уволит и её.

Быстро убираю с пола пару игрушек и бросаю им на стол пропись по французскому.

Дверь открывается...

– Привет! – выхожу его встречать.

– Да... да... конечно. Через сколько? – смотрит на часы, разговаривая по гарнитуре. – Обязательно перезвоню, – нажимает кнопку, скидывая вызов.

– Добрый вечер! – ещё раз пытаюсь я, но он поднимает вверх палец, прося подождать.

Вторая линия, как обычно.

– Андрей Семёнович? Это Борис, да... мхм... Ясно-ясно...

И мне всё ясно! Ухожу в столовую накрывать ужин. Переодевшись, он сначала заглядывает в комнату сына, о чём-то строго разговаривает с Катей, а потом заходит ко мне. Я разогреваю ему плов.

– У тебя был свободен весь день, Тори, и ты не можешь вовремя мне подать ужин? Чтобы я пришёл и сразу сел за стол? Ты же знаешь, что...

Мысленно выключаю звук, молча игнорируя этот выпад.

– Как прошёл твой день, дорогая? – переключается он, когда я наконец-то сервирую ему ужин и сажусь напротив со стаканом йогурта.

– В раздумьях...

Ну давай, спроси меня, о чём я думала, и что меня беспокоит! Пожалуйста!

– Женщине думать нужно только над мыслью, полученной из приличного источника. Иначе она начинает думать глупости. Каков источник?

У меня очень красивый муж. У него очень интеллигентное породистое лицо, красивые зелёные глаза, умный пронзительный взгляд, прямой нос, идеально очерченные губы, белоснежные, отполированные у лучшего стоматолога зубы...

Но как же сложно его любить, ежедневно слушая, что выходит из этого рта. А когда-то он казался мне самым умным из мужчин!

– Ты не спрашиваешь, как прошёл мой. Почему?

– Борь... – вздыхаю я уныло.

– Борис, – поправляет он с ноткой недовольства.

– Борис. Ты скучал по мне?

– Не понял вопрос. Ты же знаешь мой график и ритм.

«А я тоже не скучала», – вдруг осознаю я. Его возвращения домой приносят всё больше нервотрёпки и напряжения, чем радости.

– Дорогой, – отставляю я в сторону йогурт. – Меня надо спасти от разочарования. Прямо сейчас. Поцелуй меня.

– Я ем. Поцелую тебя, когда ляжем в кровать. У всего, Тори, должна быть уместность.

– Чтобы лечь в кровать, должен же быть повод, Борис! Этого нужно захотеть!

– Ты опять настроена скандалить? В таком случае мне жаль, что ты не оценила времени, которое я выделил на разговор с тобой. Можешь пойти и подумать об этом. Вот тебе подходящая мысль!

– Ну что ж! Пойду подумаю, – швыряю опять с чувством полотенце. – Эту мудрую мысль.

Глава 4

Судороги

С гарнитурой в ухе Борис ходит по кабинету, просматривая документы и разговаривая по телефону. Замираю в дверях. Эту картину я уже несколько лет лицезрею каждый вечер.

– Какой ещё выходной? Исключи это слово из своего лексикона. До финала проекта все работаем в круглосуточном режиме. Ты знаешь, сколько стоит мой час? А час работы всей команды? Посчитай, во сколько нам обойдётся выходной. Необоснованные траты!

– Борис... – негромко зову я.

Бросив взгляд, игнорирует, продолжая разговаривать.

– На нас сделали ставки партнёры, о которых мы год назад и мечтать не могли. Если мы не оправдаем их ожиданий, это будет такой откат... Удар по репутации!

– Борис.

Поднимает ладонь, тормозя меня, потом указательный палец, прося подождать окончания разговора.

– Какая ещё семья? – раздражённо. – У всех семья. Расставь приоритеты правильно, иначе тебе не место в моей команде.

Ухожу на кухню. Там Илюшка облизывается на свежееис-

печённый пирог. Свежая клубника под ещё не застывшим шоколадом пахнет так заманчиво, что сынок несколько раз сглатывает слюну, нетерпеливо ёрзая на стуле.

У меня немного талантов – угольная графика, языки и выдающиеся торты. Борис признаёт только языки. Иногда хвастается тем, что я художник, если приходится к слову. Но в искусстве он понимает мало и, боясь, что я не столь хороша, чтобы мной восхищались, никогда никому не показывает моих работ. А вот кулинарию не признаёт. К сладкому он совершенно равнодушен.

– Мамочка... сколько ждать ещё?

– Не будем ждать, – хмурюсь я.

– Папа не хочет?

– Папа занят.

– Хорошо! – ляпает удовлетворённо Илюшка, погружая палец в шоколадную массу.

– Пирожок, не говори так. Папа расстроится.

– Я не люблю папу... – заговорщицки шепчет мне сын.

– Почему? – сглатываю я.

На самом деле я знаю – почему. Папа для него символ лишения радостей и удовольствий. И ещё символ принуждения к тому, что он терпеть не может. Например, этот долбанутый хоккей. Куда он упорно таскает его уже год каждую субботу. Борис упёрто настаивает, что его сын обязательно должен иметь спортивные достижения. И так как сыновья его партнёров преуспели именно в хоккее, он расчётливо использу-

ет сына как «неформальную точку сближения». А у меня едва выдерживают нервы и терпение переживать эти ужасные субботы. Три часа каждую субботу Борис посвящает сыну. Но к большому горю Илюшки эти три часа – тренировка по хоккею.

Я, конечно, согласна, что мальчик должен заниматься спортом, но... теперь я тоже люто ненавижу хоккей.

Поэтому ответ на вопрос «почему» очевиден. Но Илюшка ещё слишком мал, чтобы проанализировать, и просто пожимает плечами, доверчиво глядя на меня.

– Не говори так больше, ладно? Папа старается...

Но мой «пирожок» уже не слушает, наявивая с наслаждением торт!

– Тори! – недовольно.

Оборачиваюсь.

– Заканчивайте с тортами. У ребёнка спортивная диета. Это очень безответственно. Илья! Умываться и спать!

Илюшка расстроено выходит из-за стола, успевая запихать в рот кусок торта побольше. Борис с недовольством смотрит на это.

– Ты опять не следишь за его режимом. Уже десять часов, а он не спит. Я же столько раз объяснял тебе, почему это так важно. Неужели сложно услышать меня? Зачем ты это делаешь?

– Что именно делаю? Счастливым нашего сына?

– Глупости! Ты делаешь его неудачником в будущем ради

сомнительного удовольствия в настоящем. Это ограниченность!

– Значит, я – ограниченная женщина.

Накрываю торт стеклянной выпуклой крышкой.

– Такие заявления – попытка снять с себя ответственность, Тори. Не ожидал!

Боже мой... Да оставь ты меня в покое!

Ухожу из кухни в спальню. Но он следует за мной, продолжая мне выговаривать. Я, как тупая кукла, смотрю ему в глаза, намеренно включив мозг, и не понимаю ни одного сказанного слова. Дождавшись маленькой паузы, вставляю:

– Давай ложиться спать. Я устала.

– Иди в душ. Я приду через час. У меня ещё конференция.

Разглядываю себя в зеркало в ванной, крутятся перед ним. Сжимаю руками пышную, совершенно не пострадавшую от кормления грудь. Веду ладонями по тонкой талии, размазывая лавандовое масло. Лобок... бёдра... голени.

Эх... Никому не важна вся эта красота и нежность моей кожи! И мне так тоскливо и обидно, словно я монашка, которой не светит познать свою женскую природу.

Но я же не монашка... И сегодня пятница. А по вторникам и пятницам у нас секс.

А может, я хочу по понедельникам!!!

С остервенением сушу волосы полотенцем. Борис не выносит, когда вода с волос капает на него или простыню.

На самом деле никак не хочу – ни по понедельникам, ни

по пятницам! Потому что с нашим сексом что-то явно не так. По ночам мне снится совсем другой секс – тягучий, горячий! И к утру я как растерзанное, но не съеденное пирожное. Вся мокрая и замученная – был у нас с ним этот чёртов секс или нет. Но с утра его уже нет в нашей кровати. И пирожное всегда остается нетронутым. Он встает в пять тридцать. А вот вечером я суха, как Сахара, и его движения внутри только раздражают!

Ложусь в кровать, скучая, открываю какой-то взрослый роман и попадаю на сцену секса.

Господи... Всё у них фейерверки взрываются! Где они их только берут эти фейерверки?..

Борис заходит в спальню после душа, аккуратно развешивает на плечиках свой халат, с недовольством косясь на моё полотенце, брошенное комом.

Спускаясь взглядом по его красивому телу, перевожу глаза на расслабленный член. И совершенно не понимаю, за какие подвиги этим штукам поют такие оды. Самое впечатляющее, что мне прилетело – сын.

– Ты не забыла выпить противозачаточные?

– Это прелюдия? – недовольно хмурюсь я.

– Это забота, Тори. Мы же планируем второго только через три года.

– Ты планируешь.

– Но это же разумно. Илья освоится в гимназии, и у тебя будет время заниматься вторым ребёнком.

Приближаясь ко мне, он сжимает свой член, помогая ему прийти в боевое состояние.

– А мы можем во время секса не говорить о детях? – зашмуриваюсь я, пытаюсь отыскать в себе хотя бы намёк на возбуждение.

– Устал сегодня, – разминает спину. – Давай ты сверху. Ложится рядом на спину. Сажусь верхом. Кладёт руки мне на бедра.

– Где мои поцелуи? – наклоняюсь я.

Перехватив за затылок, коротко целует пару раз, лениво проходясь языком по моей губе. Чувствую, как его член становится твёрже.

Точка кипения во мне очень близко.

Глажу свою грудь, не торопясь, впускать его член внутрь.

– Почему ты никогда не трогаешь меня?

– Я трогаю...

Обводит пальцами мой сосок. Дёргаюсь от слишком резкого ощущения.

– Моё тело состоит не только из сосков, губ и вагины. Всё остальное тебе неинтересно?

– Тори... Я ласкаю то, что более чувствительно.

– Экономишь время? – разъярившись, я откидываю назад копну своих волос. Кончики задевают его лицо.

– Осторожней! – раздражается он. – В глаз попала.

Возмущённо молчу.

– Тори... – оттаивает он немного. – Давай... – гладит моё бедро. – Мне ещё японские биржи изучать.

– Возможно, если бы ты не сэкономил время на ласки, я бы кончала.

– Дорогая, мы обсуждали это. Значение женского оргазма очень преувеличено. Почитай сама медицинские источники. Это всего лишь... судорога. Не больше. Для женского организма это не так важно, как для мужского. А я даю тебе гораздо более значительные вещи, чем оргазм.

– А я хочу свою судорогу! – срывает меня от этой логики.

– Поласкай себя... Большинство женщин делают так. Редкие получают оргазм непосредственно от коитуса.

Беспомощно закрываю глаза. Я не могу это слушать!!!

– Судорога? Поласкать себя? – передёргивает меня. – Хорошо...

Приподнимаю бёдра и, несколько раз пройдясь по его члену вверх-вниз, направляю внутрь себя. Закрыв глаза, двигаюсь, пытаюсь получить от этого хоть какое-то удовольствие. Но кроме раздражающего трения абсолютно ничего не чувствую. Через несколько минут ощущаю, как Борис, удерживая за бёдра, начинает снизу врываться в меня сам. И как только доходит до пика, зажмуриваясь и тяжело дыша... я просто встаю с него и с нашего супружеского ложа.

Он ошеломлённо смотрит на меня.

– Дорогая?..

– А теперь поласкай себя сам и получи свою СУДОРО-

ГУ! – рывкаю я, вытирая брызнувшие из глаз слёзы.

– Тори...

– Не подходи ко мне!

Путаясь, натягиваю длинную футболку и сбегаю спать в кровать к сыну.

Не могу больше... Не могу!!!

Глава 5

Как мальчишка

По дороге домой торможу у ближайшего супермаркета и покупаю себе огромного свежего тунца. Упакованный в прозрачную плёнку хвост торчит из пакета. На стоянке женщина с пятилетней девочкой складывает пакеты из тележки в багажник машины.

– Мама! – пугливо хватается девочка за руку матери, глядя на меня.

Растерянно замираю.

– О, не обращайтесь внимания, – миролюбиво улыбается мне женщина. – Мила панически боится акул.

– Ну этой можешь точно не бояться, – подмигиваю я, улыбаясь девочке. – Сегодня я её съем.

– А других? – с любопытством выглядывает она из-за бедра матери.

– Других сегодня не осилю, – развожу руками. – Но за неделю постараюсь справиться. Ни одной акулы в нашем городе не избежать моих зубов.

Щёлкаю несколько раз зубами. Мила смеётся.

– Ты – супермэн?

– О, да! – убираю в багажник пакет с продуктами. – Поедатель акул. И нас целая банда!

– Мила, в машину, – командует ей мать.

Девочка машет мне рукой из окна. Машу ей в ответ. Дети клёвые! С ними просто. А взрослых я люблю через раз. А то и через три.

Паркуюсь возле дома, в последнее мгновение замечая припаркованную чуть поодаль тачку Альбины. Выхожу, забрав пакет.

– Привет, Стёпочка... – виноватым голосом.

– Здравствуй, – поворачиваюсь я.

Глаза спрятаны за дымчатыми стёклами очков. Но я помню, у неё очень красивые глаза. Светло-зелёные, прозрачные как море, радужка обведена тёмной каймой, делающей глаза очень выразительными. Когда-то я запал на эти глаза. А теперь она их прячет. Но и со спрятанными глазами Альбина очень красивая женщина. Но... не моя.

– Не отвечаешь на звонки.

– Не отвечаю.

– Почему?

– Не хочу.

– Ну что ты как мальчишка обиделся?

– Нет. Это ты всё время хочешь увидеть во мне мальчишку. А я не обиделся, Альбина. Я, как взрослый адекватный мужчина, разочаровался. Но твой выбор принял.

– Стеф, – взлетает её рука в попытке погладить мою скулу.

Выразительно отстраняюсь, вопросительно дёргая бровью.

– Пригласи меня домой, поговорим.

– Не хочу.

– А говоришь – не обиделся, выбор принял...

– Окей, я поясню. Скажи мне, Аля, много ты знаешь мужчин, которые, ни разу не трахнувшись с женщиной, сделают ей предложение?

– Не поняла... – сглатывает она.

– Да всё ты поняла. Я вот не знаю ни одного. Даже молодого идиота, а уж сорокапятилетнего – тем более. Нет, ну я могу там ещё понять – невеста-девственница и любовь невъёбённая. Но это же не ваш случай, правда?

– Стеф! На что ты намекаешь?

– Да я прямо говорю. Трахалась ты с ним параллельно со мной. И мне противно. Всё, что между нами было, мне теперь противно. И ты мне противна.

Её смуглая кожа, которая, как мне казалось, не краснеет никогда, густо покрывается румянцем.

– Теперь понятна моя дистанция?

– Степан, – поджимает она губы. – Я поняла. Ты остынешь, мы поговорим. Но... ты же пациентов бросил. Так нельзя.

– Тяжёлых и особенных у нас не было.

– Из Москвы к нам в отделение девочка твоя с дисплазией вернулась.

– Дай её родителям мой телефон. Всё?

В горле горит от неприязни к происходящему. А ещё –

к себе. Потому что я-то, наивный идиот, проживал всё, что было между нами, искренне. И меня морально тошнит теперь от любого воспоминания или всплывающего эха своих чувств. Благо это не зашло так далеко, чтобы я совсем пропал в ней. И мои коротящие контакты удалось быстро разъединить. Но стягивает это всё просто пиздец!

Хотя... я рад, что выговорился. Словно выплюнул всю эту горечь. Бабы – они иногда самовыгодные суки. Надо просто смириться.

Иду к подъезду, чувствуя на спине её взгляд. Несколько раз с чувством посылаю её про себя. Пусть наслаждается теперь своим выбором и клиникой. А я лучше подрочу, блять, в одиночестве, чем пушу её ещё раз в свою постель.

Поднимаюсь на площадку. Сосед открывает дверь и выносит за шкурку моего рыжего кота. Вопли второго слышу из-за закрытой двери.

– Слушай, Стеф, – сердито. – Эта наглая морда...

– Это – Зидан, – аккуратно забираю за шкурку своего бандита.

– ... погрыз у меня на балконе всю рыбу.

Сосед – рыбаки и часто вялит рыбу на балконе.

– Лёх, ну... кошка же, инстинкты. Извини. Хочешь, я тебе тунцом отдам?

Опускает взгляд на мой пакет.

– Здоровый...

– Давай я его приготовлю, а ты бери пиво и ко мне – футбол смотреть. Россия-Бельгия.

– А... – воодушевляется сосед. – Да не вопрос! Ща сгоняю...

Зидан недовольно перебирает лапами в воздухе, требуя его отпустить. Ставлю пакет на пол. Открываю замок. Бро-саю этого рыжего гада на пол. Чёрно-белый Бэкхем насторо-женно обнюхивает Зидана. От того несёт рыбой.

– Ну вы чо, пацаны? – с претензией смотрю на котов. – Хорош по чужим балконам шариться!

Котяры, мурлыкая, трутся об мои ноги. Кто-то в снег зи-мой выкинул около подъезда ещё котятами. Вот пришлось забрать. Пристроить так и не удалось. Так и живём.

– Жрать хотите? Ладно... пойдёмте, морды наглые.

Пинаю их мячик с колокольчиком. Оба летят наперегон-ки, отбирают его друг у друга лапами. Футболисты, блин...

Глава 6

День рождения

Длинное узкое платье, подаренное Борисом, сжимает бёдра так, что мне тяжело двигаться. Я семеню, как гейша на окобо!

Господи, скорей бы закончилось это мероприятие. Нет ничего хуже дней рождения детей партнёров Бориса. Новые туфли и туго собранные наверх волосы тоже не поднимают настроения. Но в этой среде принято улыбаться. И я улыбаюсь на автомате, равнодушно глядя в окно на капли дождя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.